

Скрижали вечности

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

Скрижали вечности СКРИЖАЛИ ВЕЧНОСТИ

Строим, строим, строим. По всему миру. Ну, чего ж не строить, когда можно строить. А кто самый лучший строитель на свете? Ясен пень – израильский строитель. По всему миру. Где только можно. Они строят, строят и строят.

Как ни удивительно, но у нас тоже строят. И у вас то же самое, строят. И у них, аналогично, подстраивают.

У них, в данном случае, – это Туркмения.

Израильская фирма спроектировала утилизационный заводик, над которым по стандартному договору осуществляла и авторский надзор за строительством. Катаются туда сюда еврейские инженеры, оставляя после себя плоды эволюции человеческой мысли. Вживляют ее родимую в извилины местных аборигенов.

Хоть и не часто, но они встречаются. В частности на туркменских дорогах, на которых кое-где установлены

контрольные пункты. Жуть как живописно смотрится дорога, перегороженная полосатым шлагбаумом. Как десерт после сытного обеда к шлагбауму предлагается и бурого (когда-то зеленого) цвета фанерная будка. Не строение, а прямо избушка на курьих ножках. Волшебство наяву.

Органично к нему приложен и спящий страж. Звучным словом зовется – пограничник! А каков сон у него – спящей красавице на зависть. Всего с четвертого сигнала и он мгновенно на ногах. Ни дать, ни взять – пружина. Глаз не видеть – щелочки, как после боя с Тайсоном. Но он все видит, все слышит – у него усы есть!

Пограничник!

Никто ужом не проскользнет мимо. Любой прохожий, а уж тем более иностранный гражданин, будет занесен в скрижали вечности, которые носят поэтическое название «спецжурнал».

Остановись путник, шествующий мимо такого оазиса культуры и рассадника мысли. Своим долгом считай остановку и сдачу пограничнику документов на тщательный досмотр. Он конспектирует личные данные в «спецжурнал», открывает шлагбаум – и шествуй себе дальше, странник.

Так происходит таинство...

Сема Шпанер не любил кататься по заграницам. Дома, в родной строительно-проектной компании ему было комфортно и спокойно. Ни бывших социалистических волнений, ни тревог неизбежно сопровождающих любого путешественника. Дома, есть дома. Но и работа есть работа. А Сема работу любил и был ей благодарен за все что имел. Не любил он только командировки. А ездить приходилось. Строила и проектировала его компания по всему миру. Но сколько не занимайся неприятным процессом, нравиться от этого он не станет. Можно только скрасить, по возможности конечно, нежелательные проявления. Сема, признавая неизбежность командировок, научился с годами использовать для защиты от нежелательного воздействия жесткую иронию, граничащую с сарказмом. С ее помощью ему было легче переносить тяготы расставания с домом.

А тут еще и Туркмения. Вот занесла нелегкая на блокпост Сему Шпанера и его троих коллег-израильтян. Все трое, как один –

средних лет мужики с ничем не примечательной среднеевропейской внешностью. Разморенные жарой и длительным отсутствием душа. Машина без кондиционера, а температура под тридцать. Как единственному «русскому» (это Сема Шпанер – русский) в этой компании, ему вручили четыре паспорта и отправили к будке.

В импровизированном скворечнике сидел молодой туркмен-погранец.

Величие и размеренность движений грозного стража сразу же настроило Сему на лирический лад. Парень взял паспорта и открыл первый из них. Им оказался Сёмин. Началось изучение предмета. Впечатление складывалось, что в руки попал важнейший документ. Скрупулезно занеся фамилию, имя, гражданство, дитя природы доходит до графы «национальность» (на хрена она им, спрашивается?) и говорит:

– Насыаналнаст хто?

Сёма секунду недоумевал, затем пожал плечами:

– Ну, еврей.

Он это записал и открыл второй паспорт. Дойдя до национальности, он опять задал тот же вопрос:

– Насыаналнаст хто?

Семе добавилось размышлений, – «Эти туркмены, что, из дерева точены? Ну, кем по национальности может быть гражданин Израиля?» И, даже не пытаясь подавить в себе уже порядком, наращенное жарой раздражение, заявляет:

– Негр, конечно!

В ответ на его шутку Сема ожидал два варианта: либо тот поймет и рассмеется, либо разозлится и попытается напакостить в ответ.

Но, как выяснилось, существовал и третий вариант, от которого еврейские Семины глаза самым натуральным образом полезли на лоб. Потому как это чудо природы ничтоже сумняшеся записывает в журнал национальность еврейского инженера:

«НЕГР», и преспокойненько открывает третий паспорт.

Раздражительность улетучилась моментально. Взамен появился здоровый интерес к происходящему.

Сёма задумался, что ему отвечать на следующий вопрос – «Насыаналнаст хто?» Повторяться не хотелось и явно

напрашивалась редкая национальность «Коньвпальто!» Посмотреть, как он запишет в журнал эту национальность, было уже редким зрелищем. И Сёма внутренне подготовился. Такое не на каждой границе случается. Туркмен сидит, пишет, а Сёма с нетерпением ждет вопроса...

Абориген оказался совсем не прост. И напарил сына еврейского народа еще разок. Он таки задал вопрос. Но какой!!! Всем вопросам вопрос!

Конгениально и предельно просто!

Дойдя до графы «национальность», он посмотрел на Шпанера и спросил:

– ЕВРЕЙ ИЛИ НЕГР? ...

Сёма устоял на ногах. Впечатление было такое будто ему заехали в ухо здоровенным кулаком. Он согнулся пополам, схватился за голову и вместо смеха сумел так изобразить почечные колики...

– Што друг? Што такое? – поинтересовался пограничник.

– Ничего. Сейчас пройдет, – выдавил Сёма, – почень болит.

Он зацокал с сожалением языком и снова задал вопрос:

– ЕВРЕЙ ИЛИ НЕГР?...

Сёма отошел от нокдауна и ответил:

– Ни то, ни другое. Он по национальности «ДРЫН»!

На лице у рьяного служаки отразилось некоторое подобие работы мысли. Нет, он не предположил, что его разыгрывают. Очевидно, это по определению было невозможно.

Он просто решил расширить свой кругозор.

– Дрын? А что это, а?

– Это, – вошел в роль Сёма, – у нас в Израиле такое национальное меньшинство есть. Дрыны называются. Они все шибко умные, в основном начальниками работают. У нас в какую фирму ни зайдешь, начальники – одни дрыны! Круговая порука. Мафия, понимаешь!

– Э-э, мафия. Понимаю, мафия у нас тоже есть, – оживился пограничник и открыл четвертый паспорт.

Поняв, что еще одного вопроса он просто не переживет, Сёма взял инициативу в свои руки:

– А этот, по национальности «КЛУША». Это тоже нацменьшинство. Только их во всем мире не больше тысячи осталось. Вымирающая

нация. Охраняются многими государствами мира.

Редкое произведение искусства смогло бы произвести на это нетронутое эволюцией создание такое же впечатление. Ручка выпала из онемевших пальцев.

– Э-э-э, слушай, а посмотреть на него можно, а? – попросил пограничник.

– Смотри, – милостиво согласился инженер, – вот он, на переднем сиденье сидит!

Солдатик спрыгнул с насеста, вышел из будки и подошел к машине. Посмотрел, понимающе и большой важностью опять поцокал языком и сочувственно покачал головой.

Ну еще бы! Не каждому в жизни выпадает такое счастье – своими глазами лицезреть настоящего, живого КЛУШУ! Их, КЛУШ бедных, так мало осталось...

Охранять их надо...

Однажды много лет спустя попадется на глаза историку удивительное свидетельство развитой цивилизации.

Официальный документ под названием «Книга регистрации иностранных граждан» в котором имелась поистине хватающая за душу, запись:

Семён Шпанер. Гражданство – Израиль, национальность – еврей.

Хаим Фишман. Гражданство – Израиль, национальность – негр.

Моше Рубинштейн. Гражданство – Израиль, национальность – дрын.
(Реткий)

Шломо Гольдшмидт. Гражданство – Израиль, национальность – клуша. (Очен реткий, умирающий)

И под этой нетленной бредятиной красуется подпись:

Начальник смены старший сержант Усентаев.

И взяв в руки перо, он допишет: национальность – туркменский пограничник...

Г.Шатов.

28.01.2002 г. Hekayalar